

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2023
УДК 614.2**Бородулин В. И.¹, Журавский С. Г.², Поддубный М. В.¹, Тополянский А. В.³****О САМОМ ТАЙНОМ ИЗ ВСЕХ ТАЙНЫХ СОВЕТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: К БИОГРАФИИ
ВЯЧЕСЛАВА АВКСЕНТЬЕВИЧА МАНАССЕИНА (1841—1901)**¹ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва;²ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Минздрава России, 197022, г. Санкт-Петербург;³ФГБОУ ВО «Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова» Минздрава России, 127473, г. Москва

На основе вводимых в научный оборот архивных документов авторы рассматривают личность выдающегося российского врача Вячеслава Авксентьевича Манассеина (1841—1901), занимавшего должность профессора терапевтических кафедр Медико-хирургической академии в 1875—1892 гг. Особый характер имела общественная деятельность Манассеина, получившая всероссийский масштаб благодаря издаваемому им еженедельнику «Врач» (1880—1901). В статье затрагиваются различные аспекты, связанные с научной школой С. П. Боткина. Впервые сообщается о фактах, проливающих свет на сложные взаимоотношения С. П. Боткина и его ученика В. А. Манассеина.

Ключевые слова: Вячеслав Манассеин (1841—1901); профессора Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии; научные терапевтические школы; клиника внутренних болезней в России; XIX век.

Для цитирования: Бородулин В. И., Журавский С. Г., Поддубный М. В., Тополянский А. В. О самом тайном из всех тайных советников в Российской империи: к биографии Вячеслава Авксентьевича Манассеина (1841—1901). Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(2):304—308. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-2-304-308>

Для корреспонденции: Владимир Иосифович Бородулин, д-р мед. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории медицины Национального научно-исследовательского института общественного здоровья, e-mail: vborodul@mail.ru

Borodulin V. I.¹, Zhuravskii S. G.², Poddubny M. V.¹, Topolyanskiy A. V.³**THE MOST PRIVY OF ALL PRIVY COUNCILORS IN THE RUSSIAN EMPIRE: TO THE BIOGRAPHY OF
VYACHESLAV AVKSENTIEVICH MANASSEIN (1841—1901)**¹N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia;²The Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “The Pavlov First Saint Petersburg State Medical University” of Minzdrav of Russia, 197022, St. Petersburg, Russia;³The State Budget Educational Institution of Higher Professional Education “The A. E. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry” of Minzdrav of Russia, 127473, Moscow, Russia

The article, on the basis of archival documents introduced into scientific circulation, considers personality of prominent Russian physician Vyacheslav Avksentievich Manassein (1841—1901), who held the position of professor of the therapeutic Chairs of the Medical Surgical Academy in 1875–1892. The Manassein's public activity had special character, reaching All-Russian scale owing to the weekly “The Physician” published by him in 1880–1901. The article considers various aspects related to the scientific school of S. P. Botkin. For the first time, it is reported about the facts shedding light on complicated relationship of S. P. Botkin with his student V. A. Manassein.

Key words: Vyacheslav Avksentievich Manassein; Medical-Surgical (Military Medical) Academy; scientific therapeutic schools; clinic of internal diseases; Russia.

For citation: Borodulin V. I., Zhuravskii S. G., Poddubny M. V., Topolyanskiy A. V. The most privy of all privy councilors in the Russian Empire: To the biography of Vyacheslav Avksentievich Manassein (1841—1901). *Problemi socialnoi gigieni, zdoravookhraneniya i istorii meditsini*. 2023;31(2):304–308 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-2-304-308>

For correspondence: Borodulin V. I., doctor of medical sciences, professor, the Chief Researcher of the Federal State Budget Scientific Institution “The N. A. Semashko National Research Institute of Public Health” of the Minobrnauka of Russia. e-mail: vborodul@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 04.08.2022
Accepted 29.10.2022

В 2020 г. «Военно-медицинский журнал» опубликовал нашу статью, посвященную научной биографии и многогранной деятельности В. А. Манассеина [1]. Авторы полагают, что в дополнение к ее материалам целесообразно, во-первых, обсудить вопрос об удивительной неисчерпаемой личности знаменитого врача, его феноменальной скромности; во-вторых, осветить не получившую отражения в литературе ни в дореволюционное, ни в советское, ни в по-

стсоветское время проблему, касающуюся школы Боткина: о взаимоотношениях учителя (С. П. Боткина) и ученика (В. А. Манассеина).

В воспоминаниях адвоката В. В. Беренштама, близко знавшего Манассеина, указано: «Однажды, когда я в 1-й раз получил от Вячеслава Авксентьевича медицинское свидетельство по одному из увечных дел рабочих, то пробежав его глазами, я с изумлением прочитал, что Вячеслав Авксентьевич,—

тайный советник. Я сказал, что чрезвычайно удивляюсь этому и никогда не думал, что он — такой важный генерал. Шутя, я прибавил: „А знаете, вы — тайный советник, вероятно, более, чем кто-либо из тайных советников по всей Руси; что вы — тайный советник, большая тайна даже для ваших знакомых!...“ Он смеялся и говорил мне, что и сам вспоминает об этом только тогда, когда ему приходится писать свидетельства о болезни для дома предварительного заключения» [2].

Поразительный факт: все знали, что Боткин и Захарьин — тайные советники, но Манассеина даже современники нередко считали (подобно Остроумову и Образцову) действительным статским советником. А между тем Манассеин был тайным советником, что подтверждается записями в прижизненном источнике [3] и в реестре нашего времени «Высшие чины Российской империи» [4]. Неожиданная, на обычный взгляд, скромность Манассеина была вполне естественной для его цельной и страстной натуры. Во всей разноплановой кипучей деятельности Манассеина его самого всегда интересовали только смысл, содержание, а не форма, тем более не формальности.

Удивительная личность В. А. Манассеина поражала всех, кто с ним сталкивался, редкой доброжелательностью, отзывчивостью и демократичностью, при самых высоких нравственных требованиях к самому себе. Его психотерапевтическое воздействие было исключительным, что раскрывается в следующем письме его пациента — известного писателя А. А. Лугового (Тихонова): «Ваши ободряющие слова действуют на меня почти гипнотически. Со времени Вашего последнего посещения два месяца тому назад, я не принял ни одной капли никаких лекарств, несмотря на то, что все это время работал до полного утомления»¹.

Столь же удивительна была способность Манассеина в сжатой форме передать суть любой проблемы или неоднозначной фигуры, примером чего может служить его письмо писателю-народовольцу П. Засодимскому, где речь идет об уникальной, скандально знаменитой исторической фигуре — Илье Фаддеевиче Ционе. Современные работы историков физиологии вопреки канону советской истории медицины показали, что основоположниками отечественной физиологии следует считать не И. М. Сеченова и И. П. Павлова, а И. М. Сеченова, И. Ф. Циона и И. П. Павлова, что учителем Павлова был не Сеченов, а Цион. По поводу научного направления работ школы Сеченова эмоциональный Иван Петрович в 1890-е годы, по воспоминаниям А. Ф. Самойлова, негодовал: «Да, если так работать над такими вопросами и над такими объектами, то далеко не уедешь» [5]², при этом с благодарностью и восхищением отзывался о годах ученичества у Циона. Феноменальная оперативная техника, блестящее

образование (ученик К. Людвиг, Э. Дюбуа-Реймона и К. Бернара), независимый новаторский ум, умение просто, доступно объяснить самые сложные научные явления, литературные способности, — все выделяло И. Ф. Циона как ученого и педагога и принесло ему европейскую известность. Но полное пренебрежение к понятиям нравственности и дурной характер в сочетании с реакционными политическими взглядами и завышенными экзаменационными требованиями привели к конфликтам со студенчеством и преждевременному концу научно-педагогической карьеры. А дальше была пестрая жизнь, преимущественно во Франции, — жизнь журналиста, финансиста, политикана, вплоть до участия (правда, сомнительного) в сотворении «Протоколов сионских мудрецов».

Это отступление сделано нами, чтобы показать достойную восхищения характеристику такой сложной и противоречивой личности, которую дал Циону В. А. Манассеин, — беспощадную, но объемную, объективную, исчерпывающую: «Цион очень дряной человек, до крайности низкопоклонный перед вышестоящими и даже просто перед всяким, кто может ему пригодиться, и донельзя нахальный перед остальными, но несомненно талантливый и способный физиолог. У него у самого настолько порядочных работ, что „загрести еще чужими руками“ ему надобности не было, и в этом отношении самое большее, в чем он повинен, это передача в немецких и французских журналах некоторых работ своих учеников (напр., о влиянии круговых ходов) от своего имени с оговоркой, что такой-то работал у меня, под моим руководством и получил такие-то результаты». Писателя интересовали естественные проявления общественной активности в известном на всю Россию учебном заведении, на что его корреспондент продолжал: «Что касается до протоколов Конференции Академии, в которых *in extenso*³ велась ругань по поводу Циона, то, если они Вам нужны, я... Вам пришлю их. Только Вы найдете в них не то, что Вы ожидаете: Вы убедитесь из этих протоколов, что и защитники, и противники Циона одинаково преследовали партийные цели, не гнушаясь ни ложью, ни даже клеветой, что „науки“ в этом бое... не было и следов»⁴.

В. А. Манассеин принадлежал к научной школе С. П. Боткина — самой крупной в России. Более того, он был самым знаменитым из первого поколения боткинских учеников. Его главный научный труд, посвященный психическим влияниям в условиях нормы и при патологии, т. е. вопросам психосоматики [6], и опубликованные им в 1879 г. «Лекции общей терапии» (часть 1) надежно свидетельствуют о громадном влиянии учителя на формиро-

² Речь идет о сеченовской электрофизиологии. Сам Павлов был в то время поглощен разработкой физиологической хирургии желудочно-кишечного тракта.

³ На свежем воздухе (лат.).

⁴ ИРЛИ. Ф. 123 (Бурцев) Оп. 1. № 375 (Манассеин В. А. Письмо к П. В. Засодимскому от 13 февраля 1882 г.) Л. 106.—206. (со штампом «Редакция газеты „Врач“»).

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ). Д. 7329 (Луговой А. А. Письма к разным лицам. Письмо к В. А. Манассеину от 31.12.1893).

вание общемедицинских взглядов и клинического мышления молодого Манассеина.

Подчеркивание естественнонаучной основы медицины; последовательный функционализм с гипотезами о решающей роли нервных влияний при многих формах клинической патологии⁵; клинико-экспериментальное направление, при котором клиника формулирует задачу, а для ее решения используют эксперимент; высочайший накал общественной деятельности — вот черты, которые очевидно сближают учителя и ученика. Вместе с тем у нас нет свидетельств их личных взаимоотношений — той теплой дружбы, которая так характерна для Боткина и его близких учеников (примером может служить дружба, которая связывала его с Н. А. Виноградовым, профессором в Казани).

В монографии Г. И. Арсеньева приведены протоколы заседаний Конференции Императорской Медико-хирургической академии (ИМХА) за 1876 г., в которых отражена полемика при избрании профессора на кафедру частной патологии и терапии внутренних болезней. В то время каждые такие выборы становились ареной борьбы ожесточенно враждовавших между собой «немецкой» и «русской» партий. «Немецкая партия» выдвинула Манассеина в соответствии с уже сложившимся в академии представлением о его феноменальной эрудиции и замечательных способностях преподавателя, что делало его первым претендентом на освобождающуюся кафедру. Однако С. П. Боткин предложил свою кандидатуру — Ю. Т. Чудновского, другого своего ученика. При голосовании в «Особом совещании» (председатель Н. Ф. Здекауэр) единогласно прошел Манассеин, за него проголосовали и члены «русской партии» [7, с. 36–7]. Заметим попутно, что в дальнейшем Манассеин и Чудновский оставались добрыми соседями по клиникам и до конца дней были между собой связаны «трогательной и неразрывной дружбой» [8].

Однако есть и другие протоколы заседаний конференции: биографы Манассеина старательно, как по команде, их не замечали, окутывая его имя покрывалом очередной тайны. Тогда, в 1878 г., Конференция рассматривала проект Манассеина о создании объединенной кафедры для преподавания общей диагностики и частной патологии и терапии внутренних болезней (прообраз кафедры пропедевтики). С самого начала оппонентом Манассеина выступил С. П. Боткин, отказавшийся присутствовать на заседаниях Конференции (!). Сергей Петрович полагал, что кафедра диагностики должна быть самостоятельной, с клиникой, а профессор частной патологии и терапии может на лекциях использовать для демонстрации больных из других клиник (по договоренности с соответствующими профессо-

рами). Он также считал целесообразным перенести преподавание частной патологии с III на V курс, против чего резко возражал Манассеин, считавший, что «при таком перенесении студенты вступили бы в клиники, совершенно незнакомые с учением о болезнях» [9, с. 72].

Вопрос обсуждался на нескольких заседаниях конференции: 18, 25 марта и 29 апреля. Выступая в последнем заседании, Манассеин «начал с заявления, что ему крайне прискорбно, что он вынужден возражать против мнения профессора Боткина в отсутствие последнего. Но так как... сделанное им предложение затрагивает самые существенные интересы преподавания, то не остается ничего более, как возражать в отсутствие лица, высказавшего предложение» [9, с. 71]. Дальнейшая риторика манассеинского выступления была бескомпромиссной: «Предлагаемое проф. Боткиным заведомо фиктивное пользование клиническим материалом не может считаться серьезной мерой» [9, с. 73].

В итоге Конференция ИМХА «не нашла никаких уважительных причин» менять первоначальное решение. Предмет общей терапии, а также 2-е терапевтическое отделение Клинического госпиталя присоединили к кафедре частной патологии и терапии, а диагностику выделили как самостоятельный курс, обеспеченный койками из 2-го терапевтического отделения, поручив чтение этого курса адъюнкт-профессору Чудновскому [7, с. 56].

Историк, читающий эти протоколы конференции, невольно ощущает более чем «холодок», пробежавший между Боткиным и Манассеиным. Нельзя, впрочем, не отметить, что могли быть и иные причины для отчуждения сверхуспешного, яркого ученика от его великого учителя.

Манассеину — врачу и учителю — объективно, кажется, можно предъявить всего одну претензию, связанную с особенностью формирования его собственной научной школы. Боткин, создавая свою огромную школу, конечно, не имел времени для повседневного руководства научными исследованиями каждого из учеников, но работа клиники была организована таким образом, что его ближайшие помощники (прежде всего, М. В. Яновский, а по экспериментальной части исследований — И. П. Павлов) обеспечивали контроль за соблюдением всех боткинских установок и уровень требований не снижался. У Манассеина диссертационные исследования вели «институтские врачи», оставленные при академии на три года для подготовки к научно-преподавательской деятельности, прикомандированные к академии (на два года) военные врачи для усовершенствования, другие врачи военных госпиталей и городских больниц, а также студенты старших курсов академии. За 15 лет заведования кафедрой Манассеин выпустил свыше 300 работ своих сотрудников, включая более 140 диссертаций. При этом в его небольшой клинике было всего 38 коек, мало мощной была и клиническая лаборатория. В итоге «осуществлять подлинное научное руководство всеми диссертантами, число которых доходило одно-

⁵ О «нервизме» как теоретической концепции Сеченова—Боткина—Павлова сам Сергей Петрович ничего не знал: эту концепцию придумал советский историк медицины Ф. Р. Бородулин. См.: Бородулин Ф. Р. С. П. Боткин и неврогенная теория медицины. М.: 1949.

временно до 20—25, Манассеину не удавалось, поэтому не все выходящие из его кафедры диссертации были полноценными» [7, с. 123]. Сам Манассеин объяснял резон такой «фабрики диссертаций» так: при неиссякаемом потоке халтурных исследований от немцев лучше уж иметь диссертантами русских врачей, хоть немного приобщившихся к научной работе. Конечно, были и превосходные диссертации от Манассеина, были среди его учеников М. Г. Курлов, А. М. Левин, Н. А. Засецкий, они стали видными представителями терапевтической элиты в России XX в.

Вместе с тем указанная претензия к стилю научного руководства Манассеина высказывалась позже и относилась к 1880-м годам, а рассмотренная выше полемика на заседаниях конференции академии происходила в 1870-х годах. И закрадывается подозрение, что сложное отношение учителя к ученику имело в основе личностные особенности Манассеина: его самодостаточность, «преданность без лести», независимость и критичность ума. Даже по отношению к высоко чтимому учителю он не мог быть беспрекословным исполнителем его воли, а значит, не был окончательно «своим».

Что касается учителя, то Сергей Петрович был авторитарен, привык рассматривать клинику внутренних болезней, тем более клиническую кафедру в академии, как свою вотчину: «Только ученики моей школы могут сознательно <следовать> такому (полагается, что верному. — *Авт.*) воззрению на болезнь...»⁶. В свою очередь, для Боткина было принципиальным беспрекословное подчинение сотрудников. Это отмечали даже бесконечно почитавшие его ученики и последователи, сами ставшие величинами отечественной медицины, например Н. Я. Чистович [10].

Очередным поводом для расхождения учителя и ученика могла послужить богато представленная в литературе резкая полемика между двумя учениками Боткина — Манассеиным и Полотебновым — о свойствах зеленой плесени и ее способности задерживать рост бактерий. Научный спор начался в 1871 г., когда Манассеин уличил Полотебнова в недоброкачественности его исследования с выводами о том, что споры *Penicillium* способны развиваться в бактериальные клетки [11]. Оппоненты в оценках друг друга не стеснялись. О тональности «академической» дискуссии можно судить по опубликованному в «Медицинском вестнике» (1872, № 44) ответу Манассеина на возражения Полотебнова: «Оставлять без ответа находку г. Полотебнова я не мог, ибо не все читатели „Медицинского Вестника“ подробно знакомы с работами — моею и г. Полотебнова, а некоторые, быть может, поверили бы ему на слово». Посему Манассеин признавался, что вынужден следовать «неприятной необходимости обличать товарища по науке в сознательном умалчивании и иска-

жении фактов». По существу научного спора Манассеин, скорее всего, был прав, но пламенный темперамент заядлого публициста вряд ли устроил его учителя, для которого Полотебнов был одним из вхожих в дом любимых учеников. Алексей Герасимович стал зятем Боткина (мужем сестры его жены).

Мы не знаем, как складывались бы дальнейшие отношения Боткина и Манассеина и их школ, вмешались преждевременная смерть Боткина, а вскоре и добровольный уход Манассеина с кафедры «за выслугой лет». Через столетие в советской медицине мы видим повторение этой коллизии на примерах школы Бакулева (хирургия): А. Н. Бакулев — учитель и Е. Н. Мешалкин — ученик, а также школы Мясникова (терапия): А. Л. Мясников — учитель и А. В. Виноградов — ученик. Пользуясь этими хронологически более близкими нам аналогиями, отметим, что даже в тех случаях, когда видный представитель научной школы покидает коллектив (например, отъезд Е. Н. Мешалкина в Новосибирск), не приходится думать, что речь идет о нездоровье школы и ее скором упадке. Очевидно, что, наоборот, здесь можно видеть знак высокой творческой потенции школы, ее способности к ветвлению, долгой ее жизни с появлением нового оригинального направления.

Обратимся в заключение к главному труду В. А. Манассеина, «Лекциям общей терапии» (СПб., 1879), источнику по представлению не только оригинальных взглядов на медицинские вопросы, но и по тому, что будет захватывать и современного читателя, — вопросам этики в медицине, а также представлению нравственных позиций самого автора: дарвинизм (!) в терапии, значение воспитания для становления полезного обществу индивида, недопустимость проведения экспериментов на человеке (еще 10 лет назад это практиковали и в Европе, и в России, а в годы, когда публиковалась книга, было в ходу в США), воспитательное значение медицины, современное и для наших дней «стремление современной терапии, чтобы лечение внутренних болезней сделать как можно более хирургическим» [12, с. 25]⁷, протест против тех, кто «считает вредными общества, поддерживающие брошенных детей» [12, с. 18]. Сам он видит важность для профессора публиковать лекции и требует это делать от каждого преподавателя. Среди прочих доводов — «дать возможность обществу судить, как выполняем мы эту часть своих обязанностей: за отсутствием гласного обсуждения наших лекций это пока единственный (и вместе с тем единственно справедливый) способ контроля» [12, с. 5].

Отражением противостояния с Боткиным, отмеченного выше, мог быть выдвинутый Манассеиным тезис, которым он также делится со своими слушателями-читателями. Предупреждая об опасности

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковые записи лейб-медика С. П. Боткина). Л. 47об (Б. д., ориентировочно, конец лета 1878 г.).

⁷ Обсуждая этот тезис, Манассеин приводил мнение Боткина, который, как оказывается, в 1872 г. первым предложил прямое местное впрыскивание в «легочные пещеры» (туберкулезные каверны и гангренозные полости) вещества, вызывающие рубцевание.

чрезмерного поклонения авторитетам, Манассеин-наставник говорил в своих лекциях: «Необходимость сохранить независимость собственного суждения отнюдь еще не ведет к отрицанию того в высокой степени почтенного чувства, в силу которого люди привыкли чтить великих двигателей науки. Чем больше уважения будете Вы оказывать подобным двигателям науки, тем лучше, но только рядом с этим уважением *уважайте и Ваше собственное я*» [12, с. 32]. Внимая мыслям автора, приходишь к заключению: если встанет задача определить главную черту личности Манассеина, следует назвать исключительную честность перед собой, учениками и обществом.

Нельзя обойти вниманием еще одно, очень личное, обстоятельство, связанное с изданием первой монографической работы адъюнкт-профессора В. А. Манассеина «Материалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний» (1876—1877) [6], которая имела необычное для того времени посвящение жене автора: «Своему лучшему другу Марье Михайловне Манассеиной...». Для этого времени, когда труды традиционно считалось должным посвящать августейшим персонам, благодетелям, патронам и дорогому учителю, это смотрелось очень смело, независимо и подчеркивало противопоставление автора когорте соратников учителя. Таким образом, трудно согласиться с утверждением биографа, что «В. А. Манассеин до конца своих дней оставался ортодоксальным „боткинцем“» [7, с. 131].

В заключении к своей вводной лекции Манассеин указывает на требования, которые должен предъявлять к себе учащийся: «С одной стороны, полное усвоение естественно научного метода исследования и упражнение способности наблюдать, а с другой, изучение истории медицины». Последнее утверждение раскрывалось следующим: «История медицины ведет нас к величайшему благоговению перед теми великими умами, которые, имея в своем распоряжении лишь ничтожные, сравнительно с нашими, средства, открывали тем не менее основные истины нашей науки. Сознание этого факта является, с одной стороны, естественным побуждением к подражанию великим образцам, а с другой, вызывает в нас отрадное убеждение, что современные поколения врачей, владея несравненно более богатыми средствами для исследования, *могут и обязаны* сделать для науки еще больше» [12, с. 33—4]. В свою очередь, и наша задача будет выполнена, если для современного молодого врача эта статья окажется не сухим экскурсом в историю, а источником, побуждающим читать основателей отечественной медицины.

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородулин В. И., Поддубный М. В., Тополянский А. В. Профессор Вячеслав Манассеин (1841—1901): врач, ученый-энциклопедист, общественный деятель. *Военно-медицинский журнал*. 2020;(9):77—86.
2. Беренштам В. Из воспоминаний о Вячеславе Авксентьевиче Манассеине (К 10-летию со дня его кончины). *Русский врач*. 1911;(7):217—31.
3. Адрес-календари. Общая роспись. СПб.; 1892. 139 с.
4. Биографический словарь «Высшие чины Российской империи». Сост. Е. П. Потемкин. М.; 2019. Т. 3. С. 31.
5. Бородулин В. И. «Не смотрели бы мои глаза на все это!». Об одном странном признании ученого и о некоторых проблемах формирования научных школ. *Россия XXI*. 2005;(5):165.
6. Манассеин В. А. Материалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний. *Военно-медицинский журнал*. 1875;124(12):292—330;1876;125(1):1—66;1876;125(2):161—96.
7. Арсеньев Г. И. В. А. Манассеин (жизнь и деятельность). 1841—1901. М.: Медгиз; 1951. С. 36—7.
8. Груздев С. С. Известия Военно-медицинской академии. СПб.; 1901. Т. II. С. 354.
9. Протоколы заседания Конференции ИМХА за 1878 г. СПб.; 1879. С. 72.
10. Тушинский М. Д., Чистович А. Н. Н. Я. Чистович. 1860—1926. Л.: Медлит; 1963. С. 66.
11. Манассеин В. А. Об отношении бактерий к *Penicillium glaucum* (*Penicillium crustaceum* Frs.) и о действии некоторых веществ на развитие последнего (Предварительное сообщение). *Медицинский вестник*. 1871;(10).
12. Манассеин В. А. Лекции общей терапии. СПб.; 1879.

Поступила 04.08.2022
Принята в печать 29.10.2022

REFERENCES

1. Borodulin V. I., Poddubny M. V., Topolyansky A. V. Professor Vyacheslav Manassein (1841–1901): doctor, encyclopedic scientist, public figure. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal*. 2020;(9):77–86 (in Russian).
2. Berenstam V. From the memories of Vyacheslav Avksentievich Manassein (On the 10th anniversary of his death). *Russkiy vrach = Russian doctor*. 1911;(7):217–31 (in Russian).
3. Address-calendars. General painting [*Adres-kalendari. Obshchaya rospis'*]. St. Petersburg; 1892. 139 p. (in Russian).
4. Biographical dictionary “The highest ranks of the Russian Empire” [*Biograficheskiy slovar' "Vysshniye chiny Rossiyskoy imperii"*]. Comp. E. P. Potemkin. Moscow; 2019. Vol. 3. P. 31 (in Russian).
5. Borodulin V. I. “My eyes would not look at all this!” About one strange recognition of a scientist and about some problems of the formation of scientific schools. *Rossiya XXI = Russia XXI*. 2005;(5):165.
6. Manassein V. A. Materials for the question of the etiological and therapeutic significance of mental influences. *Voyenno-meditsinskiy zhurnal*. 1875;124(12):292—330;1876;125(1):1—66;1876;125(2):161–96 (in Russian).
7. Arsenyev G. I. V. A. Manassein (life and activity). 1841–1901 [*V. A. Manassein (zhizn' i deyatel'nost')*]. Moscow: Medgiz; 1951. P. 36–7 (in Russian).
8. Gruzdev S. S. News of the Military Medical Academy [*Izvestiya Voyenno-meditsinskoy akademii*]. St. Petersburg; 1901. Vol. II. P. 354 (in Russian).
9. Minutes of the meeting of the IMHA Conference for 1878 [*Protokoly zasedaniya Konferentsii IMKHA za 1878 g.*]. St. Petersburg; 1879. P. 72 (in Russian).
10. Tushinsky M. D., Chistovich A. N. N. Ya. Chistovich. 1860–1926. Leningrad: Medlit; 1963. P. 66 (in Russian).
11. Manassein V. A. On the relationship of bacteria to *Penicillium glaucum* (*Penicillium crustaceum* Frs.) and on the effect of certain substances on the development of the latter (Preliminary report). *Meditsinskiy vestnik = Medical Bulletin*. 1871;(10) (in Russian).
12. Manassein V. A. Lectures on general therapy [*Lektsii obshchey terapii*]. St. Petersburg; 1879 (in Russian).